У. Х. ГЕНТ

Павловская лаборатория Университета Джона Гопкинса

11 октября 1922 г. я записал в своем дневнике: «Самый счастливый медицинский день, который я пережил в Европе до этого времени, — день в лаборатории И. П. Павлова в Институте экспериментальной медицины».

На стене моей лаборатории, павловской лаборатории в Университете Джона Гопкинса, висит фотография, сделанная в 1922 г. и изображающая Быкова и Павлова, которые наблюдают за собакой в экспериментальной комнате Института на Лопухинской улице, дом 12.

Когда я 9 июня 1922 г. прибыл в Россию, закончив только за 2 года до этого медицинскую школу, я хотел пробыть здесь четыре месяца, но работа и сам Павлов задержали меня в Европе и в России на 7,5 лет.

Павлов был тот, кто впервые вселил в меня уверенность, что объективное изучение психической жизни возможно. Из-за путаницы, двусмыслицы и ложных философских теорий, которые характеризовали психиатрию, я потерял надежду серьезно заниматься в этой области. Но учение Павлова было тем ветром, который наполнил паруса моего корабля надеждой. Этот ветер подул так сильно, что привел меня через бурные моря ложных философий и квакерства к пристани, где превалируют факты и научный метод порождает факт.

Когда я поехал в Россию, то совершенно не владел русским языком и даже русским алфавитом. Но здесь я выучил русский язык, чтобы читать произведения Павлова и работать с ним. И я перевел с помощью Фольборта, Спирова и Кеннона работу Павлова «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности». В течение этих лет я также работал с Фольбортом, Быковым, Сперанским, Фурсиковым и Купаловым и

близко сошелся с другими его учениками, в частности Орбели, Анохиным, Асратяном, Майоровым, Скипиным и многими другими.

После моего пребывания в СССР и работы с Павловым, с 1922 г. по август 1929 г., я вернулся в США с русской делегацией на Международный конгресс физиологов в Бостоне. Когда Павлов, прощаясь со мной в конце этого конгресса, сказал, пожимая мне руку: «Ну, д-р Гент, я предполагаю, что это навсегда, так как я вас больше никогда не увижу», — в моих глазах появились слезы.

Но мне посчастливилось встретиться с ним в Колтушах в 1933 г. и еще раз на Международном конгрессе физиологов в Ленинграде и Москве в 1935 г.

Все мы, и знавшие Павлова лично, и познакомившиеся с ним через его печатные труды, одинаково высоко ценим Павлова и как ученого и как человека. В то время как личные воспоминания о нем с годами сглаживаются, мы не можем забыть, что он никогда не шел против правды, что он боролся, чтобы дать основы для международной науки — науки, которая предназначена для улучшения жизни человека.

Он пережил два правительства в России, прошел через самые большие испытания бедности, войны и революции, но всегда ставил честь и принцип выше личного благополучия. К счастью, он жил так, что получал все увеличивающиеся почести и вознаграждения от своего правительства.

За границей знание его работ растет хотя медленно, но неуклонно, так что мы начинаем видеть, как исполнилось предсказание Герберта Уэллса: «Павлов — это звезда, которая освещает мир, проливает свет на еще неизведанные пути», и что «через сто лет его работы еще более будут цениться, чем при его жизни».

Русская земля породила Павлова — человека, равного которому еще не было.

У народа СССР имеется преимущество, что Павлов с ним жил и что он, этот народ, способствовал его работе, начиная от декрета Ленина о необходимости науки для новой культуры. Весь мир обязан исключительному гению Павлова.

<1965>